

УДК 821.161.1-3(Лесков Н. С.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-49-56.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

**«ПРОЗЁВАННЫЙ ГЕНИЙ»:
ФЕНОМЕН Н. С. ЛЕСКОВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Никитин О. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

SPIN-код: 7396-4230

А н н о т а ц и я. Жизнь и творчество замечательного русского писателя Н. С. Лескова (1831–1895) не оставляли равнодушными ни его современников, ни литературных последователей. Неоднозначная личность «прозёванного гения» всегда была предметом большого интереса филологов, историков культуры и церкви. Художественные таланты писателя известны читателям по хрестоматийным «Левше», «Очарованному страннику», «Соборьянам». Однако его биография, олицетворяющая нравственные споры и искания русской интеллигенции XIX века, до конца не переосмыслена. Современное литературоведение использует актуальный инструментарий средств, позволяющих по-новому увидеть и проанализировать путь и литературные скитания Н. С. Лескова в кругу исторических и духовных событий той сложной эпохи. Автор статьи ставит задачу раскрыть феномен писателя в русской литературе, показать специфические черты его «художественного филологизма», выделить и обосновать свойства феноменальности Н. С. Лескова сквозь призму суждений литературных критиков и исследователей творчества. Обсуждение личности Н. С. Лескова соотносится с культурно-историческими событиями его времени и личными мотивами. Отмечаются сложный путь вхождения писателя в литературные круги, его непохожесть, стилистические чудачества. Утверждается, что образ Н. С. Лескова многомерен и еще не полностью освоен с точки зрения осмысления его художественно-эстетических и словесных открытий. Статья позволяет современным исследователям прочитать писателя в его откровениях и художественных прозрениях, духовных терзаниях и жизненных противоречиях. Мы высветили и прокомментировали спорные моменты в интерпретации его художественного творчества. Полагаясь на обширный пласт литературоведческой и мемуарной литературы, мы конкретизировали признаки феноменальности Н. С. Лескова. И в этом смысле статья представляет интерес как опыт анализа образа писателя в его динамике, психологической рефлексии, особой литературной эстетике. Подчеркивается, что словесные «аномалии» творчества Н. С. Лескова являются отражением наполненной социальными коллизиями, приключениями и духовно-нравственными исканиями жизни. Говорится о необходимости «реставрации» личности Н. С. Лескова в науке XXI века и поиске новых подходов к оценке и анализу «прозёванного гения».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Н. С. Лесков; историко-литературный процесс; биография; духовная культура; художественная литература; образ; публицистика; филологическая критика

Д л я ц и т и р о в а н и я: Никитин, О. В. «Прозёванный гений»: феномен Н. С. Лескова в русской литературе / О. В. Никитин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 49–56. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-49-56.

**“AN OVERLOOKED GENIUS”: THE PHENOMENON
OF N. S. LESKOV IN RUSSIAN LITERATURE**

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Abstract. The life and creative activity of the remarkable Russian writer N. S. Leskov (1831–1895) have not left indifferent either his contemporaries or his literary followers. The ambiguous personality of the “overlooked genius” has always been a subject of great interest to philologists, cultural historians and the church. The writer’s artistic talents are known to his readers in connection with the syllabus works “Levsha”, “The Enchanted Wanderer”, and “The Soborians”. However, his biography, epitomizing the moral disputes and searches of the Russian intelligentsia of the 19th century, has not been amply rethought yet. Modern literary criticism uses an up-to-date tool kit that makes it possible to see and analyze the path and literary experiments of Leskov in the context of historical and spiritual events of that difficult era in a new light. The author of the article sets the task to describe the phenomenon of the writer in Russian literature, to show the specific features of his “artistic philologism”, and to identify and explain the properties of Leskov’s phenomenality through the prism of the judgments of literary critics and researchers. The discussion of Leskov’s personality correlates with the cultural-historical events of his time and personal motives. The author notes the difficult path of the writer’s entry into literary circles, his dissimilarity and stylistic eccentricities. It is argued that the image of Leskov is multidimensional and has not yet been fully explored in terms of understanding his artistic, aesthetic and verbal discoveries. The article allows modern researchers to read the text of the writer with all his revelations and artistic insights, spiritual torments and life contradictions. The article highlights and comments on the controversial points in the interpretation of his artistic creative activity. Drawing on the extensive body of literary critical and memoir literature, the author of the article summarizes the signs of Leskov’s phenomenality. In this sense the article is of interest as an experience of analyzing the image of a writer in its dynamics, psychological reflection and special literary aesthetics. It is emphasized that the verbal “anomalies” of Leskov’s creative work reflect a life filled with social collisions, adventures and spiritual-moral pursuits. The author of the article believes that it is necessary to “restore” the personality of Leskov in the literary studies of the 21st century and to search for new approaches to the assessment and analysis of the “overlooked genius”.

Key words: N. S. Leskov; historico-literary process; biography; spiritual culture; literature; image; journalism; philological criticism

For citation: Nikitin, O. V. (2025). "An Overlooked Genius": The Phenomenon of N. S. Leskov in Russian Literature. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 49–56. DOI:10.26170/2071-2405-2025-30-1-49-56.

*Достоевскому равный, он – прозёванный гений.
Очарованный странник катакомб языка!*
Игорь Северянин. «На закате» (1928)

«Прозёванный гений», – так охарактеризовал Н. С. Лескова поэт Игорь Северянин в стихотворении «На закате». Мечтая о воскрешении писателя, он назвал его книги «премудрости вечной самой» и в художественной, совсем не футуристической манере изобразил основные черты облика Гения: «независимый, гневный, надпартийный, прямой» [Северянин 2004: 251]. Поэт восхищался «ритмами» текстов Н. С. Лескова и залежью «слов ядреных и точных русского языка» [Там же].

Н. С. Лесков всегда плыл против течения и не мог вписаться ни в какую литературную или общественную группу. «Его постоянно “вело и корчило”, растаскивало между скепсисом и восхищением, гимном и проклятьем, идиллией и сатирой, нежным умилением и самой ядовитой иронией, ангелом и аггелом, праведниками и злодеями» [Кучерская 2021: 5]. Уже сама жизнь Лескова – это «История государства Российского» в период разрушения созидательной силы веры и смены ценностей, когда героем становился разночинец, а «взамен прежних сражений разливалась дрязга» [Там же: 6]. Он всегда искал свой нравственный идеал и находил его то в Иване Северьяновиче Флягине, искупившем грех и долгами путями жизненных истязаний понявшем свое предназначение, то в правдоискателе Савелии Туберозове – гуманном, совестливом, терпеливом и в то же время твердым духом священнике... Они, как исполины, поднимались со страниц его неудобных произведений и решали главную задачу – на что опереться? Образы праведников – один из главных феноменов Н. С. Лескова, его литературное открытие [Новикова-Строганова 2023]. У него они представлены не в житийных киотах, а в реалистических. И сам автор настолько проникается религиозным самосознанием личности героя, «большого грешника», что заставляет и читателей верить происходящему и возвращать в себе светлые чувства: «Как и его герой – “очарованный странник”, Лесков был очарован русским чудом подвижничества, праведничества. Он не уставал восхищаться характерами, хранящими в себе особенные, оригинальные и высоконравственные черты, “живой дух веры”. Даже в атмосфере “нынешнего преглупого и преподлого времени” писатель воодушевлен верой в духовность человека» [Там же: 233].

При этом Н. С. Лесков в разные годы много путешествовал и повидал «чудаковатых» героев, которых впоследствии так мастерски изобразил в своих произведениях. И везде он искал правду. Помню, что в одном из исторических очерков писатель рассказывал, как он проверял отпечаток стопы Богородицы в Почаевской лавре (для кого –

святыня, а для Н. С. Лескова – нечто большее). Он и в вере своей не укладывался в принятые уставы, подмечая в служителях Бога не только светлое, но и безрассудное, несправедное (вспомним хотя бы его «Заметки неизвестного»). В языке и мифологии Н. С. Лескова столько же очарования и неразгаданности метафор и смыслов, как и в его человеческом облике. Здесь каждая деталь образна, а наигранность манер раскрывается словом. Ср.: «жить на “разновиле”», «таусинный камень» в «Пугале» [Лесков 1973, т. 5: 6, 35], «княжеский главноуправитель», «безоглядное чувство личной чести женщины» в «Интересных мужчинах» [Лесков 1973, т. 5: 62, 93]. Оно для писателя одновременно и тайна, и прозрение, и удар, и покаяние, и ирония: «Это была дама родовитая, умная, очень воспитанная, а называлась она “змеею”. Кличка эта была глупая, змеей эту даму звали не за зло, которого она решительно никому не делала, а за презрительность, про которую говорили много. Она будто не любила ничего своего, русского – ни языка, ни веры, ни обычая, а все презирала, и презирала не с легкомыслием, не с фатовской замашкой, которые легче простить, – а прочно, глубоко и искренно, с каким-то сознанием» [Лесков 1973, т. 5: 97–98]. Так тонко, иронично, смачно и изобразительно, как говорят его персонажи, мы не встретим, пожалуй, ни у одного из современников писателя:

– Ага! Вы мистик!.. это значит – вы любите поиграть в вистик [Лесков 1973, т. 5: 70].

Отсюда и замысловатость стиля, жанровые «трещины», душевные скрипы – своеобразный литературный модерн, но другой, не такой, как у остальных, русофильский, со всеми его «инстинктами», запахами и словесными тропами.

Феномен Н. С. Лескова в русской литературе еще не раскрыт, несмотря на обилие исследований и воспоминаний о писателе. Но его самобытность и по свойствам характера, по витиевому пути, и как деятеля литературы отмечали уже многие современники, как бы подчеркивая неразгаданную глубину Мастера. Его называли пльвущим «против течений», с «умственными переломами» и «парадоксами» (А. И. Фаресов), именовали «загадочным талантом» (В. Г. Авсеенко), «растерянным» (Б. В. Варнеке). Он не оставлял никого равнодушным – ни коллег по писательскому цеху, ни критиков, ни служителей Фемиды, ни религиозных мыслителей, ни государственных властей... О нем пылко спорили, в него влюблялись и жестоко порицали его талант, в общем-то находясь «в гостях» у Гения. Собранный книга воспоминаний современников о Н. С. Лескове показала эти культурные «взрывы» его друзей, знакомых и недоброжелателей [Н. С. Лесков в воспоминаниях... 2018; Ранчин 2018].

О своеобразности его феномена тактично выразился знаток литературы Б. М. Эйхенбаум, всегда подмечавший главное в образе героя

(а Н. С. Лесков, несомненно, был героем своего времени): «Такой писатель, как Лесков, мог (и должен был) явиться только на основе проделанной раньше огромной филологической работы – от Шишкова и Востокова до Даля, Вельтмана, Снегирева, Сахарова, Афанасьева, Бессонова, Каткова, П. Киреевского, К. Аксакова и др.» [Эйхенбаум 1986: 241–242]. Н. С. Лесков и в смысле традиции поэтики казался современникам чопорным, «внесистемным». И это прежде всего выразилось в его языковой «чрезмерности». Здесь и кроется источник феноменальности писателя – в «художественном филологизме» (выражение Б. М. Эйхенбаума). Он назвал Н. С. Лескова «эстетической гранью славянофильства», подразумевая и то, что писатель в его социальной обеспокоенности выражал духовно-эстетические напряжения того времени [Там же: 242], мимо которых он не мог пройти, а потому постоянно попадал в злободневные ситуации и находился в центре скандалов.

О Н. С. Лескове неудобно писать просто биографические работы – о нем надо сочинять художественные тексты, сопровождать их богатыми документальными источниками и архивными находками и тем самым пытаться реконструировать события его жизни, но с опорой на ожерелье лесковских строчек. Н. С. Лескова пробовали «классифицировать», раскладывать по принятым в науке теориям и направлениям, избегая острых углов и противоречий. Но тогда его портрет оказывался безжизненным. Писать о Лескове-художнике может только такой мастер, который исполнен духовной чуткости, психологической проницательности, литературного дарования, смелости – такой, как, например, Л. А. Аннинский, у которого журналист и беллетрист Стебницкий превращался в героя своего времени, игрока, нигилиста, провокатора и одновременно неприкаянного богомольца – русского человека, «двинувшегося с земли» [Аннинский 2012: 208] и противостоящего всем. Этот прием позволяет и нам оттолкнуться от обыденного пера и прикоснуться к писателю-творцу как к живому страннику, все время подглядывавшему за своими героями, а значит, наблюдательному, увлекающемуся и порой неистовому.

О Н. С. Лескове нельзя писать безучастно, применяя современный казуистический научный язык и тем самым искажая его картину мира. Но и бойкий утверждающий слог не вяжется с обликом писателя. Здесь важно прикосновение к *его* миру, вхождение в *его* «теорию». Так можно проникнуть в феноменологию искусства «ересиарха» – постепенно, двигаясь тропинками неведомых лесковских бродяг, читая их письма, слушая разговоры, живя в свое литературное воображение дух и стиль Гения.

Из «Очарованного странника»:

«Вот меня и отпустили, и я теперь на богомоление в Соловки к Зосиме и Савватию, благословился и пробираюсь. Везде был, а их не видел и хочу им перед смертью поклониться.

– Отчего же “перед смертью”? Разве вы больны?

– Нет-с, не болен; а все по тому же случаю, что

скоро надо будет воевать.

– Позвольте: как же это вы опять про войну говорите?

– Да-с.

– Стало быть, вам “Благое молчание” не помогло?

– Не могу знать-с: усиливаюсь, молчу, а дух одолевает.

– Что же он?

– Все свое внушает: “ополчайся”.

– Разве вы и сами собираетесь идти воевать?

– А как же-с? Непременно-с: мне за народ очень помереть хочется.

– Как же вы: в клобуке и в рясе пойдете воевать?

– Нет-с; я тогда клобучок сниму, а амуничку надену» [Лесков, 1973, т. 3: 132].

Наверное, и это качество писателя, говорящего голосами десятков чудаковатых персонажей, можно назвать феноменом, открывающимся не каждому читателю, а только тому, кто ведет «путевые заметки» на полях, постоянно колеблется, вычеркивает и снова карабкается в поисках лесковской истины.

Еще один феномен Мастера состоит в том, что исторический контекст почти всегда вкраплен в художественные полотна Н. С. Лескова, и наоборот. Известно, что многие его сюжеты имели документальную основу. Так, в образе Меркулы Протцева «проступают черты автопортрета, пусть и достаточно вольного. Очень похоже, что “Детские годы” – поздняя, идеализированная версия собственного пути, роман воспитания по-лесковски» [Кучерская 2021: 80]. Изучая произведения писателя, мы невольно подталкиваем себя к мысли, что Н. С. Лескова надо читать вразумительно, это целая энциклопедия бытовой и духовной культуры, тот самый сундучок, где хранятся впечатления. В ранние годы это были «Барки Шкотта», заменившие писателю литературное образование. Без службы в коммерческой компании «Лесков, скорее всего, вообще не смог бы сочинить прозу; во всяком случае, она была бы совершенно иной» [Там же: 94].

Нетипичен литературный путь Н. С. Лескова: становление его творческого дарования происходило в журналистских баталиях на страницах газет, в общественно-политических, историко-культурных изданиях – он шел от публицистической заметки к художественной прозе. А. И. Фаресов как-то выразился в своей книге о «мученичестве в литературе» Н. С. Лескова – это было его состояние духа, убеждение: «Писатель обречен на мученичество, – повторил он. – Писатель должен всегда идти против господствующих течений, имея лучший и более критический взгляд на положение дел. В этом состоит значение писателя» [Фаресов 1904: 398].

Одним из самых ранних рассказов Н. С. Лескова стало «Погасшее дело», которое автор переписывал, менял название, придавая больше драматизма и смысла. Так возникла «Засуха» как «олицетворение обдерганного крестьянского мира» [Кучерская 2021: 140]. Правда, главный герой в этом рассказе – священник, «забитый, кроткий, глубоко сострадающий своим прихожанам, но не име-

ющий возможности развеять тьму их невежества» – тоже автобиографичен. Уже здесь проявились, как полагает М. А. Кучерская, лучшие черты Лескова-беллетриста: психологизация образов, мастерство в изображении типажей, языковые ребусы, ирония вкюпе с острой проблемной ситуацией (судьбы духовенства, тяжелая жизнь крестьян в России), которая угнетает, заставляет горько переживать и как бы своей безысходностью ищет свет разума [Там же: 144].

Если бы мы вслед за М. А. Кучерской начали писать о «прозеванном гении», это были бы роман, или повесть, или историческое исследование не только о писательском таланте, но и своеобразный путевой дневник, представляющий Н. С. Лескова в разных ситуациях и в живом общении с современниками, чьи голоса так правдиво звучат и в его публицистике, и в художественном творчестве. Здесь и сказовая речь (разве это не феномен?), и «забавные» словечки, и выразительные новообразования, выдуманные самим автором [Романов 2021: 56]. «Ажидация» и «толпучка» в «Полуночниках» [Лесков 1973, т. 6: 3–4], «подурасливее», «лихоманка бьет» и «галлюцинировали “банькой”» в «Юдоли» [Лесков 1973, т. 6: 200, 206, 208] – цветник народной речи вперемешку с карнавалом словесной живописи, и все к месту. «Сочный» язык и стиль Н. С. Лескова формировались как «литературная интрига», загадка [Лихачев 1987: 331]. Вот он приехал в Париж, завтракал в студенческом кафе «Ротонда», заглядывался на французенок и русских дам... Последних он разделил на три сорта: «больные, приехавшие на лечение – раз; притворяющиеся таковыми – два; те, кто живет из расчета, будто за границей дешевле, – три» [Кучерская 2021: 173]. Н. С. Лесков интересен с точки зрения преломления в нем психологических характеристик времени и общественных мнений, которые он чаще всего взрывал своим нигилизмом. Так было и в цикле «Русское общество в Париже». Показательны здесь не только тонкие душевные характеристики, но и в целом проникновение Н. С. Лескова в особенности быта, национальный уклад жизни, черты характера тех, с кем он общался, – русских, французов, чехов, поляков... Отсюда у него появился такой беллетристический вкус – видеть особенных героев в толпе. Приведем одно признание Николая Семеновича: «Литератор вообще должен прежде всего *понимать человека* и затем иметь *начитанность*, чтобы, выработав в себе оригинальный взгляд на жизнь, занимать им весь мир даже в маленьком рассказе. Литератор не ученый, но он более чем ученый. Он не так фундаментально образован, как последний, но он всестороннее его. <...> Литератор должен знать все и по “начитке”, и по личному опыту» [Фаресов 1904: 390].

Н. С. Лесков хорошо знал духовную жизнь самых низов, оттого его произведения так полемичны, с богатыми деталями и самыми неожиданными подробностями. Так, он неоднократно общался со старообрядцами, посещал их «секретные» школы (в 1860-е годы Н. С. Лесков по просьбе министра народного просвещения А. В. Головнина

обследовал старообрядческие общины на предмет их отношения к образованию), и впоследствии данная проблема всегда интересовала Лескова не только как писателя, но и как историка церковной культуры (статья «С людьми древнего благочестия»). Согласимся с мнением, что «изнутри почувствовавший драму раскола, полюбивший культуру и уклад российских староверов, зачарованный стариной и даже логикой “чем старее, тем лучше”, Лесков вырастил из этих любви и сродства и “Запечатленного ангела, и “Печерских антиков”, отчасти и “Соборян”, в которых чувствуется влияние Жития протопопа Аввакума...» [Кучерская 2021: 203].

Феномен Н. С. Лескова в русской литературе заключается и в том, что его писательские открытия, по сути, были отвергнуты современниками. Мы имеем в виду роман «Некуда», который критики втиснули в литературное движение 1860-х гг., высмеивавшее «новых людей». Это, наверное, одно из самых «шумных» произведений Н. С. Лескова [Фаресов 1904: 398]. В нем писатель выразил свои духовные страдания очень непосредственным, реалистическим образом. Просматривается и трагическая личная интонация Н. С. Лескова. Он как бы приоткрывает здесь свои секреты, исповедуется: семейная разлука, поиски философских основ бытия, бесконечные блуждания, задавленность и цинизм... «Некуда» – это не донос, а прощание с незадавшейся молодостью и проклятие ее. Лесков рвал со всеми, не прощая им своих ошибок. Он снова и снова убеждал себя и мир в узости их взглядов на мужчину и женщину, на семью и образование, на политическое и экономическое будущее России. Люди, прежде близкие ему, обратились в «памятники прошедших привязанностей» [Кучерская 2021: 211]. В романе, по признанию автора, «я также дал симпатичных нигилистов: Райнера, Лизу Бахареву, Помаду и даже Бертольди – эту глупенькую стриженую девочку, но с чистой детской душой» [Фаресов 1904: 381–382].

Биография Н. С. Лескова – тоже литературный феномен. От Орла, Киева до Парижа и столицы Российской империи – он исколесил всю центральную часть России, побывал в самых заветных уголках. На Фурштатской в Петербурге произошло событие, которое во многом определило и посмертную судьбу писателя – рождение сына Андрея, впоследствии известного биографа, хранителя архива своего отца. Н. С. Лесков снова пытается создать семью и сочиняет свое единственное произведение о любви – «Обойденные», о котором говорил, что это «роман “без направления”, о самых обыкновенных, “маленьких” людях “со слабостями”», они «не соотносят свою частную жизнь с магистралями общественной и гражданской и потому обойдены вниманием модных литераторов» [Кучерская 2021: 261].

И все же главное для Н. С. Лескова, в чем заключается сила таланта писателя, как он сам его определял, – «в положительных типах»: «Я дал читателю положительные типы русских людей. <...> Покажите мне у другого писателя такое обилие положительных русских типов» [Фаресов 1904: 381].

Роман Н. С. Лескова «Соборяне» – переломное событие и в жизни писателя, и во всей русской литературе XIX века: «И только Лесков в “Соборянах” сумел сделать с духовенством примерно то же, что за 20 лет до того Тургенев в “Записках охотника” с крестьянами: рассказал о клириках как о людях – со своей психологией, со своей неповторимой манерой говорить и мыслить» [Кучерская 2021: 290]. И что показательнее с точки зрения художественного мастерства – Н. С. Лесков «запечатлел совершенно новые для литературы типы...» пастыря-ревнителя, пастыря-смирненника, дьякона-богатыря, создав для их жизнеописания *новый повествовательный жанр романа-хроники* [Кучерская 2021: 290] и настаивая, что этот нарратив «без любовной интриги» [Лесков 1981: 258]. В нем все ново: и удивительное лесковское изобретательство, и тонкий психологизм, и драматический смех, и звучащие фамилии и образы «с умыслом», и портрет жены главного героя Савелия Туберозова. «Лесков не только придумал Савелию Туберозову имя, биографию, взгляды, чудную жену, но и создал для него особенный поповский язык, соединив разговорный стиль со слогом древнерусских сказаний, богослужебных текстов и периодики 1860-х годов» [Кучерская 2021: 299]. Особый жанр хроники позволил писателю сместить акцент художественности в сторону реалистичности событий, подкрепляя повествование посланиями, документами, дневником и правдивыми историями. «Это делает “Соборян” стилистически многоголосьем произведением» [Романов 2021: 55]. Перед читателем панорама духовной жизни, в представлении которой Н. С. Лесков выразил свои самые светлые и добрые чувства уважения и любви к праведным людям, страдающим, мудрым, безупречным нравственно, но бессильным перед чиновничьим натиском и игрой, перед подлостью и доносами. Об этой черте феноменальности писателя размышлял Л. А. Аннинский: «Герои Лескова – люди вдохновенные, очарованные, загадочные, опьяненные, отуманенные, безумные, хотя по внутренней самооценке всегда “невиноватые”, всегда – праведники» [Аннинский 2012: 219]. Н. С. Лесков в «Соборянах», наверное, присутствует и сам как богатырь-правдолюбец, оболганный и потрепанный современниками. Это роман и о его метущейся душе грешного идеалиста-скитальца.

Черты непохожести, литературного одиночества Н. С. Лескова отчасти являются зеркалом его непростой жизни: неудачи на службе, всеобщее порицание, любовные трения, несладкая судьба его младшего брата, страдания из-за сына Дроношки, взаимоотношения художника с властью, на службе у которой он находился, но не приобрел ни чинов, на званий (так, он был уволен из Учебного комитета после публикации статьи «Поповская чехарда и приходская прихоть...») – все это художественным камертоном вернулось и вошло в повествовательные сюжеты его духовно-исторических и даже психологических «драм».

В биографии Н. С. Лескова мы встречаем вообще много реальных имен и «онимов», которые

удивительным образом вписаны в его изобразительный мир: и смиренный филолог Ф. И. Буслаев, сотрудники журналов, критики, государь, министры, Е. В. Салиас-де-Турнемир, Крымская война, «Русская речь», «Современник», «Исторический вестник», Киев, Москва, Париж, Тургенев, Лев Толстой, Чехов, ставший помазанником Гения в литературном ремесле, М. О. Меньшиков ... Это сюжетные линии с «кодовыми замками». Из них складывались достоверные истории, выходящие из-под пера неутомимого публициста и писателя, показывая его литературные притязания. По сути, Н. С. Лесков во многих произведениях дает нам панораму общественной жизни России и Европы (отчасти) в XIX веке, в которую он был вовлечен сполна как странствующий апологет, так и не примкнувший ни к одному берегу. То же мы наблюдаем и в его произведениях: характерная черта филологизма Н. С. Лескова – в пристальном внимании к имяславческой традиции и вообще «конструированию» слова. У него все имена звучат: например, в «Соборянах» *Десницын, Туберозов, Препотенский* – и каждая с подтекстом [Коршунков 2024: 270–273].

Рельефный, характерный образ писателя мы также представляем по реальным документам и портретам, которые выразительно дополняют очерки, заметки в газетах, художественное повествование Н. С. Лескова колоритными деталями: местами, где он жил, фотографиями его семьи и потомков, литераторов, публицистов – всех, кто окружал писателя и был ему дорог в той или иной мере. Известный всем сосредоточенный портрет «очарованного странника русской литературы» начала 1890-х гг., где Н. С. Лесков предстал в почти монашеском облике, опершись на трость, некартинно смотрит вдаль, в ускользающий мир людей, и снова пытается рассмотреть в них человеческое, возвысить его, протолкнуть сквозь серость и тлен... – феноменален. То же и с его произведениями – надо уметь в них так видеть и чувствовать героев, читать между строк «заколдованный» язык автора, спрятанный в исторических ассоциациях, которые зашифрованы в каждом лесковском тексте. Только так, раскрывая «прозёванные» современниками смыслы его беллетристики, мы сможем приблизиться к сложной фигуре Н. С. Лескова, понять весь стусок страстей и прозрений, услышать его духоборческий страдальческий голос. Недаром о нем говорят как о самом загадочном русском писателе [Grimstad 2007].

Лесковский «эпилог» еще не написан, и что это будет – литературная реминисценция, художественная игра, как было у настоящего автора, любившего своих «помольщиков», «воромонахов», «зли суще», «понеже» с «поелику», или историческая драма? Противоречивая в своей феноменальности натура писателя, к осмыслению которой подбраться непросто, даже имея большой багаж знаний и удачных сопоставлений, не поддается механическому структурированию. Лесков-писатель и Лесков-герой неоднозначны. Эти литературные символы еще предстоит разгадывать – перебирать

в памяти образы, искать художественное ове­ществление, всматриваться в прототипы и обяза­тельно находить для каждой детали точное опреде­ление. И тогда животворящий язык с «острой юморысткой» Н. С. Лескова откроется. В нем и заключается тот словесный «фокус», который по­стоянно вибрирует в умах филологов, с легкостью оценивающих достоинства и слабости Гения. Н. С. Лесков всю жизнь «гонялся» за словами-образами и в конце жизни находит, в чем выража­ется его писательское вдохновение, – наконец наступают примирение с самим собой и душевный покой. Уснувший «ересиарх» очнулся просветлен­ным. Он понял, как надо писать – «только слово, одно слово живо» [Кучерская 2021: 544]. В раскры­тии этого тайнодействия прячется еще одна лес­ковская «аномалия» психологии его текстов, очень непростых, иногда юродствующих. Но в них, если переварить писательские страсти, всегда присут­ствует эта триада: «духовное напряжение» – «ду­ховное рассуждение» – «духовная тревога» [Ан­нинский 2012: 320].

В чем еще состоит феномен Н. С. Лескова в русской литературе? На этот вопрос пробовали от­ветить маститые филологи и философы [Н. С. Лес­ков в воспоминаниях... 2018]. Отчасти они правы, в чем-то сравнивая писателя даже с А. С. Пушки­ным: «череда путешествий» и служб, поиски нрав­ственного, духовного стержня... [Ранчин 2018: 6]. Но если великого поэта признавали при жизни и видели в нем пророка, то репутация Н. С. Лескова была очень сложной, так, что ее «реставрация» за­тянулась на долгие десятилетия и продолжается до сих пор. Этот внутренний раскол мешал самому писателю, раздражал просвещенную публику, от­талкивал критиков, часто не понимающих «бес­принципного литератора» и отдалявших его от плеяды классиков вроде И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. Н. С. Лесков до конца жизни оста­вался «антиком» в писательской среде. Эту его «чужеродность», а значит – феноменальность, кра­сиво подметил Б. М. Эйхенбаум: «И в самом деле – служение литературе в “интеллигентском” смысле слова, как это было у “людей сороковых годов”, для Лескова было понятием чуждым. Он – совсем не типичный (курсив наш. – О. Н.) русский интелли­гент; он профессионал-артист, влюбленный в свое литературное дело, и именно поэтому так трудно было ему понять обрушившуюся на него критику 60-х годов, а критике этой, насквозь идеологиче­ской, не менее трудно было понять и примириться с этим чрезмерно бойким и задорным, чрезмерно игривым, чрезмерно речевым писателем – тем бо­лее, что он, раздраженный и нетерпеливый, делал ошибку за ошибкой» [Эйхенбаум 1986: 247].

И. Северянин не случайно сравнил Н. С. Лес­кова с Ф. М. Достоевским – по силе духовного про­зрения, выраженной в литературных типах, с од­ной стороны – праведников, с другой – бесную­щихся нигилистов, они стоят вровень. Напомним, что хроника «Соборяне» вышла одновременно с «Бесами» и показывает в том числе и «галерею раз­рушителей российской жизни» [Романов 2021: 55].

Рубеж веков и первые десятилетия XXI столе­тия ознаменовались чередой «переосмыслений» – написаны новые биографии Бунина, Есенина, Куприна, Маяковского, Пастернака, Платонова, Пришвина, Шолохова... Теперь пришла очередь за Лесковым, который десятилетиями лежал под спудом идеологического давления и в некоторой сте­пени исследовательских стереотипов. Хотя стара­ниями отечественных [Аннинский 2012; Горелов 1988; Гроссман 1945; Столярова 1978; Столярова 1992; Столярова 2012; Троицкий 1974] и зарубежных [Маркадэ 2006; Grimstad 2007] ученых его имя за­сияло свежими интонациями и вышли в свет со­брания сочинений писателя и два фундаменталь­ных тома «Литературного наследства» [Неиздан­ный Лесков 1997–2000], нельзя сказать, что био­графия «прозванного гения» была свободна от лакун и тенденциозности. Новые исследования о его творчестве доказывают неисчерпаемость «лес­ковианы» [Макаревич 2023; 2024], поднимают ее на принципиально другой уровень осмысления. И все же о Лескове у нас написано несоизмеримо мало масштабу его писательского дарования. «Разор­ванная» жизнь Гения еще не сложена, но пре­вращена в художественно-документальный роман, достойный самого классика [Кучерская 2021]. Фе­номенальность Н. С. Лескова начала выходить за рамки только книжной культуры и обсуждений в среде филологов и педагогов. В рецепции его лич­ности можно уловить даже кинематографическое начало, настолько динамично, порой с детектив­ными сюжетными линиями, мистериями, траге­диями и с высоким общественным смыслом разви­валась его жизнь. Сегодня Н. С. Лесков ближе к нам, чем когда бы то ни было. Притом, что его нельзя назвать «легким» писателем, массовым и тем более модным в XXI веке. Но облик «эксцен­трика» и смутьяна, литературного «недоросля»-нигилиста оказался весьма осязаем и сходит со страниц как живой герой. А это значит, что Н. С. Лесков – явление, которое трудно постичь как обычного писателя, разобранного критиками и введенного в литературную традицию. «Ника­ким модернистом ты Лескова не свалишь И к нему не посмеешь подойти свысока» [Северянин 2004: 251], – утверждал поэт Серебряного века в том па­мятном стихотворении и как будто угадал, что вос­крешение писателя не за горами.

Н. С. Лесков так говорил о себе: «Я отдал ли­тературе всю жизнь и предал ей все, что мог полу­чить приятного в этой жизни. <...> я не должен “соблазнить” ни одного из меньших меня и должен не прятать под стол, а нести на виду до могилы тот светоч разумения, который мне дан Тем, пред оч­ями Которого я себя чувствую и непреложно верю, что я от Него пришел и к Нему опять уйду. Не ди­витесь этому, что я так говорю, и не смейтесь: я верую так, как говорю, и этою верою жив я и кре­пок во всех утеснениях» [Фаресов 1904: 410].

Его время впереди. Когда мы поймем, что сбываются провидческие слова Л. Н. Толстого, назвавшего Н. С. Лескова «писателем будущего», это станет большим литературным открытием, к

которому мы идем, спотыкаясь, уже очень долго. И все же полагаем, что современное общество не испытывает усталости от классической русской литературы. Она по-прежнему звучит и зовет,

только ее голос нужно постараться услышать. И тогда к нам вернется еще не один «прозёванный гений».

Литература

- Аннинский, Л. А. Лесковское ожерелье / Л. А. Аннинский. – СПб. : Библиополис, 2012. – 560 с.
- Горелов, А. А. Н. С. Лесков и народная культура / А. А. Горелов ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Л. : Наука : Ленинградское отделение, 1988. – 294, [2] с.
- Гроссман, Л. П. Н. С. Лесков: Жизнь-Творчество-Поэтика / Л. П. Гроссман. – М. : ОГИЗ ; Гослитиздат, 1945. – 320 с.
- Коршунков, В. А. Лесков и латынь / В. А. Коршунков // Шаги / Steps. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 266–285.
- Кучерская, М. А. Лесков: Прозёванный гений / М. А. Кучерская. – М. : Молодая гвардия, 2021. – 622 [2] с. : ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1865).
- Лесков, А. Н. Жизнь Николая Лескова / А. Н. Лесков. – Тула : Приокское книжное издательство, 1981. – 648 с.
- Лесков, Н. С. Собрание сочинений в шести томах / Н. С. Лесков. – М. : Издательство «Правда», 1973.
- Лихачев, Д. С. Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избранные работы : в 3 т. Т. 3. – Л. : Художественная литература, 1987. – С. 315–352.
- Макаревич, О. В. Об умении плести лапти, литературных юзниках и секретной печати (рецензии Н. С. Лескова в «Новом времени» конца 1870-х годов) / О. В. Макаревич // Русская литература. – 2023. – № 4. – С. 191–207.
- Макаревич, О. В. Современные мстители (об одной статье Н. С. Лескова) / О. В. Макаревич // Русская литература. – 2024. – № 2. – С. 143–147.
- Маркадэ, Ж.-К. Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники : пер. с франц. / Ж.-К. Маркадэ. – СПб. : Академический Проект, 2006. – 478 с. – (Современная западная русистика, т. 60).
- Неизданный Лесков : [в 2-х кн.] / отв. ред.: К. П. Богаевская, О. Е. Майорова, Л. М. Розенблюм. – М. : Наследие, 1997–2000.
- Новикова-Строганова, А. Образы праведников как художественное открытие Н. С. Лескова / А. Новикова-Строганова // Нева. – 2023. – № 7. – С. 230–236.
- Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 832 с.
- Ранчин, А. М. Жизнь и мнения Николая Лескова, описанные его друзьями, знакомыми и недоброжелателями / А. М. Ранчин // Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 5–31.
- Романов, Д. А. «История самая простая и нисколько не занимательная...»: лингвопоэтика хроники Н. С. Лескова «Соборяне» (к 190-летию со дня рождения) / Д. А. Романов // Русский язык в школе. – 2021. – Т. 82, № 1. – С. 53–60.
- Северянин, И. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы / И. Северянин. – М. : Наука, 2004. – 870 с.
- Столярова, И. В. В поисках идеала: творчество Н. С. Лескова / И. В. Столярова ; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л. : Издательство ЛГУ, 1978. – 231 с.
- Столярова, И. В. Н. С. Лесков и русское литературно-общественное движение 1880–1890-х годов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / И. В. Столярова. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 1992. – 61 с.
- Столярова, И. В. На пути к преображению. Человек в прозе Н. С. Лескова / И. В. Столярова ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. – 326 с.
- Теплицкий, В. Формирование религиозного самоопределения Н. С. Лескова / В. Теплицкий // Вестник Восточно-сибирской открытой академии. – 2021. – № 43 (43).
- Троицкий, В. Ю. Лесков-художник / В. Ю. Троицкий ; АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974. – 215 с.
- Фаресов, А. И. Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем / А. И. Фаресов. – СПб. : Типография М. Меркушева, 1904. – 411 с.
- Эйхенбаум, Б. М. О прозе. О поэзии : сборник статей / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Художественная литература, 1986. – 456 с.
- Grimstad, K. A. Styling Russia. Multiculture in the Prose of Nikolai Leskov / K. A. Grimstad. – Bergen : John Grieg AS ; University of Bergen, 2007. – 256 p. – (Slavica Bergensia 7).

References

- Anninsky, L. A. (2012). *Leskovskoe ozherel'e* [Leskov's Necklace]. Saint Petersburg, Bibliopolis. 560 s.
- Bogaevskaya, K. P., Mayorova, O. E., Rozenblyum, L. M. (Eds.). (1997–2000). *Neizdannyyi Leskov: [v 2-kh kn.]* [Unpublished Leskov, in 2 books]. Moscow, Nasledie.

- Eichenbaum, V. M. (1986). *O proze. O poezii* [About Prose. About Poetry]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 456 p.
- Faresov, A. I. (1904). *Protiv techenii: N. S. Leskov. Ego zhizn', sochineniya, polemika i vospominaniya o nem* [Against the Currents: N. S. Leskov. His Life, Writings, Polemics and Memoirs about Him]. Saint Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva. 411 p.
- Gorelov, A. A. (1988). *N. S. Leskov i narodnaya kul'tura* [N. S. Leskov and Folk Culture]. Leningrad, Nauka : Leningradskoe otделение. 294, [2] p.
- Grimstad, K. A. (2007). *Styling Russia. Multiculture in the Prose of Nikolai Leskov*. Bergen, John Grieg AS, University of Bergen. 256 p.
- Grossman, L. P. (1945). *N. S. Leskov: Zhizn'-Tvorchestvo-Poetika* [N. S. Leskov: Life – Creativity – Poetics]. Moscow, OGIZ, Goslitizdat. 320 p.
- Korshunkov, V. A. (2024). Leskov i latyn' [Leskov and Latin]. In *Shagi / Steps*. Vol. 10. No. 3, pp. 266–285.
- Kucherskaya, M. A. (2021). *Leskov: Prozyovannyi genii* [Leskov: The Overlooked Genius]. Moscow, Molodaya gvardiya. 622 [2] p.
- Leskov, A. N. (1981). *Zhizn' Nikolaya Leskova* [Life of Nikolai Leskov]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo. 648 p.
- Leskov, N. S. (1973). *Sobranie sochinenii v shesti tomakh* [Collection of Writings in 6 volumes]. Moscow, Izdatel'stvo «Pravda».
- Likhachev, D. S. (1987). Osobennosti poetiki proizvedenii N. S. Leskova [Features of the Poetics of the Works of N. S. Leskov]. In Likhachev, D. S. *Izbrannye raboty: v 3 t.* Vol. 3. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, pp. 315–352.
- Makarevich, O. V. (2023). Ob umenii plesti lapti, literaturnykh yuznikakh i sekretnoi pechati (retsenzii N. S. Leskova v «Novom vremeni» kontsa 1870-kh godov) [Concerning the Craft of Making Lapti, Literary Innmates and Secret Printing (N. S. Leskov's Reviews Published in “Novoe Vremya” in the Late 1870s)]. In *Russkaya literatura*. No. 4, pp. 191–207.
- Makarevich, O. V. (2024). Sovremennyye mstiteli (ob odnoi stat'e N. S. Leskova) [Modern Avengers (One of the Essays by N. S. Leskov)]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 143–147.
- Marcade, J.-C. (2006). *Tvorchestvo N. S. Leskova. Romany i khroniki* [The Works of N. S. Leskov. Novels and Chronicles]. Saint Petersburg, Akademicheskii Proekt. 478 p.
- N. S. Leskov v vospominaniyakh sovremennikov [N. S. Leskov in the Memoirs of His Contemporaries]. (2018). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 832 p.
- Novikova-Stroganova, A. (2023). Obrazy pravednikov kak khudozhestvennoe otkrytie N. S. Leskova [Images of the Righteous as N. S. Leskov's Artistic Discovery]. In *Neva*. No. 7, pp. 230–236.
- Ranchin, A. M. (2018). Zhizn' i mneniya Nikolaya Leskova, opisannyye ego druz'yami, znakomymi i nedobrozhe-latelyami [The Life and Opinions of Nikolai Leskov, Written by His Friends, Acquaintances and Detractors]. In *N. S. Leskov v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 5–31.
- Romanov, D. A. (2021). «Istoriya samaya prostaya i niskol'ko ne zanimatel'naya...»: lingvopoetika khroniki N. S. Leskova «Soboryane» (k 190-letiyu so dnya rozhdeniya) [“The Story Is the Simplest and not Entertaining at All...”: Linguopoetics of N. S. Leskov's Chronicle “Soboryane” (to the 190th Anniversary of the Birth)]. In *Russkii yazyk v shkole*. Vol. 82. No. 1, pp. 53–60.
- Severyanin, I. (2004). *Gromokipyashchii kubok. Ananasy v shampanskom. Solovei. Klassicheskie rozy* [The Thundering Bowl. Pineapples in Champagne. Nightingale. Classic Roses]. Moscow, Nauka. 870 p.
- Stolyarova, I. V. (1978). *V poiskakh ideala: tvorchestvo N. S. Leskova* [Looking for the Ideal: N. S. Leskov's Creativity]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU. 231 p.
- Stolyarova, I. V. (1992). *N. S. Leskov i russkoe literaturno-obshchestvennoe dvizhenie 1880–1890-kh godov* [N. S. Leskov and the Russian Literary and Social Movement of the 1880s–1890s]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. 61 p.
- Stolyarova, I. V. (2012). *Na puti k preobrazheniyu. Chelovek v proze N. S. Leskova* [On the Way to Transformation. The Man in N. S. Leskov's Prose]. Saint Petersburg, Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 326 p.
- Teplitsky, V. (2021). Formirovaniye religioznogo samoopredeleniya N. S. Leskova [Formation of N. S. Leskov's Religious Self-Determination]. In *Vestnik Vostochno-sibirskoi otkrytoi akademii*. No. 43 (43).
- Troitsky, V. Yu. (1974). *Leskov-khudozhnik* [Leskov as an Artist]. Moscow, Nauka. 215 p.

Данные об авторе

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).
Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.
E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Author's information

Nikitin Oleg Viktorovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).